

**Анатолий
Алексин**
Сага о Певзнерах

ФТМ

Х.И.В.

Анатолий Алексин
Сага о Певзнерах

«ФТМ»

1995

Алексин А. Г.

Сага о Певзнерах / А. Г. Алексин — «ФТМ», 1995

«Сага о Певзнерах» – беспощадное обличение чудовищных безумий террора, антисемитизма, фашизма, во всех их очевидных и скрытых проявлениях и следствиях, искромсавших судьбы нескольких поколений одной семьи и их родины. Каждая строка романа – оголенный нерв, натянутой до предела струной звучащий в величественной фуге – летописи испытаний человеческого духа, но юмор, делающий незабываемым каждое произведение Алексина, и непобедимая сила жизни прорываются сквозь горечь и трагизм повествования светлым, торжествующим, всевоскрешающим аккордом.

© Алексин А. Г., 1995

© ФТМ, 1995

Содержание

Книга первая	5
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Анатолий Алексин

Сага о Певзнерах

Посвящаю любимой жене – Татьяне Алексиной, чей человеческий и творческий дар всегда взыскательно поддерживает меня и во всем мне помогает

Книга первая

«Еврейский анекдот»

Это было давно. Но никогда и нигде не должно повториться... И потому я пишу эту книгу.

Есть такой анекдот... Смешной и трагичный. Он именуется жизнью. Ее можно назвать и «романом с вырванными страницами». Я вырываю страницы, вырываю страницы... Чтобы второстепенность не заглушила смеха и не спрятала слез.

Но стены смеха на свете нет. А Стена плача пролегла от Иерусалима по всей земле.

И город, по которому я иду вечерами, она тоже пронзила. Иду вечерами, уходящими в ночь... потому что туда, в ночь, ушла и биография нашей семьи. Автоматически, наизусть пересекаю улицы, минуя бульвары, заворачиваю в переулки. Не замечая ни переулков, ни бульваров, ни улиц... Я иду по дороге прошлого. И замечаю лишь зигзаги, рытвины, пропасти, которых на той дороге было так много, и гладкие, празднично ухоженные пространства, которых было так мало. Память соединяет эти редкие метры счастья с беспредельностью потрясений, разочарований и бед. Соединяет в роман, который должен ответить: «Зачем же был этот путь? И к чему он привел?»

Я обязан все вспомнить и записать. А потом вырвать незначительное, способное лишь отвлечь. Вспомнить и записать...

Те люди, которые гораздо дороже мне, чем я сам, никогда не были здесь, и потому я живу в этом городе. Я не смог бы жить в том, другом – пусть и великом! – где их не стало... Но я часто приезжаю туда, чтобы удариться душой о могильный камень, о памятник, как о Стену плача. Она, святая Стена, достигла и далекой могилы, с которой начался гибельный ужас нашей семьи и которую отыскать невозможно. Как невозможно объяснить все таинства и загадочности, с жестоким упрямством сопровождавшие мою дорогу...

О нет, быстротечна лишь легкая жизнь, с которой жаль расставаться. А тяжкая – бесконечна, и никак не допросишься, не дождешься ее конца.

К чему все свелось и чем завершилось? На это память моя ответит не сразу.

А с чего началось?

* * *

О дне моего рождения у меня, увы, нет собственных впечатлений. Но с чужих слов я могу воспроизвести тот день в самых мельчайших подробностях. Мельчайшие – это вовсе не «мелкие»: по значению своему они могут оказаться даже крупнейшими. Уж поверьте мне, психоневрологу.

Детали, детали... Из них состоит все: человеческий организм, природа, машина. И повествование мое тоже соткано из деталей – увиденных чьими-то глазами или своими; существовавшими наверняка или домысленными; сбереженными стойкостью памяти или рожденными воображением.

О пребывании в родильном доме в качестве новорожденного я постарался выяснить все, поскольку именно с этого начался отсчет не одних лишь детских болезней и шалостей, а главных событий моей судьбы. Как и судеб сестры и брата, которые протолкнулись на свет вслед за мной – друг за другом – с интервалом в пять или десять минут. Не более... Правда, мама до этого мучилась трое суток. Лучший друг нашей семьи Абрам Абрамович по прозвищу Еврейский Анекдот укрощал юмором любые жизненные напряжения. «Шутки, анекдоты для этого именно и придуманы», – уверял он. И когда отец с Золотой Звездой Героя Советского Союза на груди метался по коридору родильного дома и впивался пальцами в свою голову, поседевшую от героизма, Абрам Абрамович, оглядевшись, доверительно сообщил:

– Там, у Юдифи внутри, три джентльмена: один другому уступает дорогу.

Старые анекдоты вызывают досадливое раздражение, но отец не испытал раздражения и досады: дело, стало быть, не в родовой патологии, а в особой интеллигентности его будущего потомства.

– Деликатные, черти! – впервые за три дня воспрял духом Герой.

По Еврейскому Анекдоту выходило, что я оказался наименее интеллигентным и деликатным: опередил брата и даже сестре – будущей женщине – пересек путь.

Тогда я еще не отвечал за свои поступки. Иметь право не отвечать за них – такое душевное облегчение! Но предоставляется это право лишь новорожденным.

Мама рожала в обстановке обостренной «сталинской заботы» о ней и нашей семье. Нарушив все законы санитарии и гигиены, в родильном доме сгрудились корреспонденты газет, журналов и радиостанций: у Героя Советского Союза и его «боевой подруги» родилась тройня! Да еще этот патриотический акт был «сознательно» приурочен мамой и папой к взятию Берлина согласованными действиями разных фронтов под водительством маршала Жукова. Так, по крайней мере, объясняли наше коллективное появление на свет корреспонденты... Поэтому их, вместе с отцом и Еврейским Анекдотом, пустили в святилище, наконец-то покинутое страданиями и заполнявшееся не только корреспондентами, но и благодатью материнства.

Вопреки правилам, наша тройца расположилась непосредственно возле мамы: так удобней было наблюдать за семейством Певзнеров, фотографировать, увековечивать его голоса.

Поскольку журналисты и отец с Анекдотом облачились в халаты, можно было подумать, что осуществлялась какая-то глобальная медицинская ревизия или консультация.

Кинооператор с камерой на плече потребовал «сцены первого кормления» или, точнее, инсценировки. Мама, растерявшись, стала прикладывать нас к груди на глазах у кинообъектива и журналистов, которые все как на подбор были мужчины.

– Слава требует жертв! Не терзайся... – успокаивал Еврейский Анекдот отца, который, хоть и был Героем, ревность никогда победить не мог. Анекдот успокаивал отца так, будто и сам принимал в этот момент валерьянку: он тоже предпочитал, чтобы мама увековечилась не оголяясь.

Потом, через многие десятилетия, я скажу умирающему Анекдоту:

– Абрам Абрамович, я не хочу прощаться... Вы не должны уходить... Вы так любите жизнь!

– Я любил вашу маму, – ответит мне он.

Но в первый день моего рождения он еще не сказал об этом. И не сказал никогда, никому – даже маме – до дня своей смерти.

Вспышки магия чудились вспышками салюта в честь появления тройни у Юдифи Самойловны и Бориса Исааковича Певзнеров.

Словно возражая против корреспондентской возни, мы трое орали, по-птенячьи разинув рты. Этот плач, нареченный «кликами торжества», записывали на пленку, ему посвящали абзацы будущих очерков, неизменно связывая наше новорожденное ликование со взятием фашистского логова.

Было похоже, что праздник семьи Певзнеров становится всенародным.

Один из газетчиков совершал перебежки от мамы к отцу и обратно, пригнувшись, как под огнем противника. Противниками были его коллеги: каждый пытался извлечь из супругов что-то новое, чего они еще не успели сказать другим. Журналисты панически суетились, будто опоздание или нерасторопность грозили им судом военного трибунала. Ничто не подстегивает так надежно, как страх. А он не упускал тогда ни одного события: ни трагического, ни праздничного, ни обычного.

Создавалось впечатление, что до самой семьи, столь уникально отметившей победу над Гитлером, никому из журналистов особого дела не было: они, расталкивая друг друга, пытались продолжить свою карьеру на маминых муках, на папином героизме и на редчайшем коллективизме новорожденных (все же чаще в мир входят поодиночке!).

Тот, который совершал перебежки, пригнувшись, как на войне, обратился к Еврейскому Анекдоту:

– А вас как зовут?

– Друг семьи, – ответил Абрам Абрамович, не желая превращать торжество в еврейский анекдот.

Вообще-то у евреев не положено называть детей именами живых родителей. И если имя сына совпадало с отчеством, это значило, что он явился на землю, когда отца на земле уже не было. Отец Абрама Абрамовича не дотянул до рождения сына. ЧК оборвала его жизнь за то, что он продолжил жизнь восемнадцатилетнего юнкера, укрыл его в своем доме. У юнкера не было ни единой вины: ни перед русским народом, ни перед матерью-Родиной. Хотя укрыть его и спасти вымолила не символическая мать, а та, которая родила...

Минут за десять до сообщения о взятии рейхсканцелярии из своей канцелярии к маме нагрянул главный врач.

Взглянув на него, Еврейский Анекдот шепнул отцу:

– Он, так сказать, объединяет в себе представления о фронте и о родильном доме: кровь с молоком!

Абрам Абрамович потерял в сорок первом году правую руку и убеждал всех, что *одному* человеку *одной* руки достаточно.

Чувство юмора может стать опорой и подарить самообладание почти сверхъестественное... Абрам Абрамович был хирургом и, лишившись руки, лишился того, что составляло цель и смысл его бытия. Ему пришлось поступить на службу в медицинское издательство, для чего одной руки и в самом деле было достаточно.

– Если многие пишут левой ногой, почему я не могу их редактировать левой рукой? – сказал он.

Потеряв дело, о котором грезил с самого детства, он не осуждал тех, кто не потерял на войне ничего: его беда не жаждала чужих бед. Но главный врач, мужчина вполне призывного возраста, источал избыточное здоровье. Родильный дом, который он возглавлял, был создан для прихода людей в жизнь, а не для ухода из нее. И все-таки его жизнерадостность, позабывшая об уходе из жизни миллионов, даже Абрама Абрамовича заставила помрачнеть.

Главврач поздравил маму так весело и беспечно, будто она не мучилась трое суток. А целовал ее так крепко и продолжительно, что Еврейский Анекдот на всякий случай прокомментировал для отца:

– Это братский поцелуй, Боря!

Затем главный врач расцеловал нас троих, хоть делать этого не полагалось:

– Мои дети!

– Он шутит, – объяснил Анекдот.

Но главврач вкладывал в свою шутку нешуточный, обобщающий смысл:

– Всех детей, которые здесь рождаются, я ощущаю своими!

Корреспонденты восхитились, а отец окончательно успокоился.

Частной собственности у нас тогда еще не было, но главный врач считал своими и дом и детей.

– Хорошо, что он не ощущает *своими* рожениц, – сказал Анекдот.

Отец никогда не изменял... Ни маме, ни семье, ни своим политическим убеждениям.

«Не дай вам Бог жить в эпоху перемен!» – говорят на Востоке. Стало быть, на Востоке страшатся нестабильности. Я думаю, и на Западе тоже. Отец, благодаря своей мужской и родительской верности, подарил нашей семье стабильность. То есть покой. «На свете счастья нет, а есть покой и воля...» Я, как и поэт, поставил бы на первое место «покой», потому что воля без покоя ничего не стоит. Уж поверьте психоневрологу...

Ортодоксальность в любви, на мой заинтересованный взгляд, отца возвышала, а ортодоксальность политическая – унижала. «Опасных» анекдотов Абрам Абрамович при отце не рассказывал. Но не потому, что отец их боялся, а потому, что он не подвергал сомнению ни одного *поступка* Советского государства. Заблуждаться могли люди, но не страна. Да и те люди, которые олицетворяли собой государство, по мнению отца, в потемках заблуждений плутать не могли.

– Страна любит нас! – преподнес отец маме свою патриотическую убежденность. Хотя для нее важнее, я полагаю, была его любовь. – И завтра все узнают, что у нас с тобой родились девочка и два мальчика.

«Страна любит нас... Страна узнает...» Эти фразы записали все корреспонденты и зафиксировали все звукозаписывающие аппараты, которые незаконно, нарушая элементарные гигиенические правила, разместились в палате.

Но страна не узнала. Сообщения о торжестве в семействе Певзнеров не появились. Ни на следующий день, ни позднее... Родильный дом не верил глазам и ушам своим. Врачи и медсестры, накануне ошалело наблюдавшие корреспондентскую суету, на рассвете устремились к газетным киоскам. Предвкушая сенсацию, как деликатес, которого ни разу в жизни не пробовали, они нагрузились пачками утренних изданий, чтобы прочитать, показать всем, чьим мнением они дорожили, и сохранить на память. Включили радиотарелки. Ближайшие и даже не очень близкие родственники Певзнеров были заранее оповещены – и тоже шарили глазами по газетным страницам, внимали радиоволнам. Страницы и волны сообщали о взятии Берлина, о том, как откликнулись на это историческое событие у нас и за рубежом. Но о том, как откликнулись мама и папа, никто не упомянул. И о нас, новорожденных Певзнерах, которые тоже «откликнулись» самим фактом своего появления на свет, не было ни единого слова.

– Знаешь, есть такой анекдот... – не без грусти сказал отцу Абрам Абрамович, когда безмолвие средств массовой информации стало очевидным. – Один еврей где-то, кажется в Лондоне, говорит другому еврею: «Какой ужас: с моей женой живет лорд. Правда, я живу с его женой». – «Значит, вы квиты?» – «Как бы не так: я ему делаю лордов, а он мне – евреев!»

Положив руку на отцовский лейтенантский погон, Абрам Абрамович добавил уже от себя:

– Еще три еврея на нашей земле... Почему это должно всех обрадовать? И его в том числе? – Кто персонально имелся в виду, Анекдот не уточнил: это не требовало уточнений. – Достаточно, Боря, того, что это радует нас с тобой. И мученицу Юдифь... Предостаточно!

– При чем тут *он*? – тихо вспыхнул отец.

– Если бы *ему* это могло понравиться, они бы напечатали. И сообщили по радио! Неужели ты сомневаешься?

– Здесь нет злой воли и умысла. Я ни капли не сомневаюсь! – мобилизуя свои убеждения и уже гораздо громче ответил отец. О, как не хватало ему тогда и потом этой капли сомнений! – Все логично. И вполне ясно. Взяли Берлин... В сравнении с *таким* событием личный праздник семьи – ничего не стоит. Не для нас, конечно. А для других... Смешивать два таких разных праздника? Политически сомнительно и, я бы даже сказал, бестактно.

– Не вздумай объяснять это Юдифи, – посоветовал Анекдот.

– Почему?

– Боюсь, она не поймет.

– *Она* поймет! – защитил маму отец.

– Лучше послушай еще один анекдот, – предложил Абрам Абрамович. – К еврею в такой же вот день приходит приятель и говорит: «У тебя родилась тройня... И ни один из трех на тебя не похож!» – «Я всегда говорила, что он мне изменяет!» – восклицает жена.

Отец бдительно насторожился. Шуток на эту тему он не воспринимал.

– А твои мальчишки – точь-в-точь ты! Девочке, прости меня, повезло еще больше: она повторила Юдифь.

Отец не страдал тщеславием. Он вообще сумел избежать серьезных физических и духовных недугов: рост его был баскетбольным, разворот плеч и непробиваемость мускулов были рассчитаны на рекордные поднятия тяжестей, а мозговые извилины «виляли», мне кажется, весьма умеренно, не утомляя его.

– Антиеврей! – характеризовал своего друга Абрам Абрамович.

К тому же отец был русоволосым и без иудейской скорби в глазах.

– Значит, то, что случилось, ты считаешь нормальным и даже логичным? А я вот нет! – неожиданно возобновил утихший было спор с отцом Абрам Абрамович. Это происходило на скамейке возле родильного дома.

«На свежем воздухе мне в голову приходят более свежие мысли: люблю, когда меня слушают, но когда подслушивают, терпеть не могу», – объяснил как-то Еврейский Анекдот.

Терзая пустой рукав пиджака, что свидетельствовало о крайнем волнении, он продолжал наступать:

– Ты подумал, какие чувства испытывает Юдифь?

– К кому?! – всполошился отец. Любая фраза, касавшаяся мамы, могла быть истолкована им как сигнал тревоги. Особенно после столь долгого фронтального отсутствия. Похоже, войну отец ненавидел больше всего не за ее кровавое зверство, а за то, что она разлучила его с женой.

– Успокойся, чувства не «к кому», а «какие»... В психологическом смысле. Психологическом, а не женском! В палату сегодня вламываются, или забегают, или впархивают – в зависимости от интеллигентности – врачи, медсестры, санитарки. Вопросы и недоумения одни и те же: «Почему не опубликовано? Почему не сообщили по радио?» У некоторых в руках пачки газет. Я видел... Что она, бедная, может им отвечать? Сказать, что ее и нас обманули? Мы же не приглашали всех этих корреспондентов, репортеров и фотографов.

Интересы мамы были для отца равны лишь интересам Отечества. Он поднялся со скамейки так резко и целенаправленно, как поднимался, наверное, в атаку.

– Я пойду и задам те же вопросы. Мы ведь действительно не просили, не приглашали. Они сами... С какой целью? Серьезных соображений, я убежден, быть не может. Обыкновенная безответственность. Но пусть объяснят! А я объясню, что жену фронтовика обманывать стыдно.

Отец впервые, хоть и косвенно, напомнил, что имеет боевые заслуги. Когда людей ослепляла его Золотая Звезда, он стремился вернуть им обычное зрение. А водопады восторженных восклицаний, которые сразу после войны были воистину «ниагарскими», отец усмирлял. Тем самым доказывая, что словесные водопады поддаются регулировке, подобно воде из крана.

– Я пойду. И потребую! Ты советуешь?

– Вместо ответа или совета расскажу тебе лучше историю...

– Анекдот?

– Нет, жизненную историю. Близкую тебе, фронтовую. Один командир взвода по фамилии Буслаев... Я запомнил фамилию, потому что она, как и он, из легенды. Так вот, он кинулся под немецкий танк, обвязавшись гранатами. А танк остановился – мгновенно, как вкопанный. Буслаев остался жив, чем был весьма огорчен. Стремление подорвать танк оказалось, представь себе, сильнее страха смерти. Он, раздосадованный, объяснил свою «неудачу» высоким качеством немецких тормозов – и был приговорен трибуналом к десяти годам заключения.

– За что?!

– За пораженческие настроения и преклонение перед захватчиками. Тормоза-то он похвалил вражеские!

– А верность народу?! – естественно и простодушно, как чайник, вскипел отец.

– Верность режиму для *них* важнее верности стране и народу. Пойми это, Борис. Преклонение... Если Вася Буслаев и преклонил колени, то для того, чтобы бросить себя под танк. Машина остановилась... Но *они* не остановятся, не затормозят – и наедут всей *своей* машиной на негодного. Не сомневайся!

Отец и не сомневался, но в противоположном смысле.

– Не верю, что его арестовали просто так, за какие-то фразы. Было что-то еще... Было! Но Юдифь оскорбили без всякого повода. Выставили на смех – этого я не прощу. И ничего не боюсь!

– Знаю, что не боишься. Но и это скрывай. Тем более, что ты *им* веришь, а мне и Буслаеву – нет. Пусть не веришь, а я скажу: они полагаются только на силу страха. Не перед недругами, а перед *своими*, перед системой. Не какого-нибудь там заурядного страха, а сатанинского. Страх, при котором никто – за исключением одного! – не смеет ощущать себя в безопасности: ни ребенок, ни старик, ни Герой. Ты мне не веришь... Но все же пойми и запомни это.

Золотая Геройская Звезда завершала плакатность отцовской внешности. Политическая ортодоксальность, такая же непробиваемая, как и его мускулы, вполне соответствовала внешнему виду. Все в отце было органично... для него самого. Ничто не противоречило образу патриота и гражданина. Только вот упрямо грассировал.

– Приходит еврей устраиваться диктором на радио, – рассказал по этому поводу Анекдот. – Букву «Р» не выговаривает, акцент местечковый. «К сожалению, не подходите», – сообщают ему. «И тут антисемитизм?!» – восклицает еврей.

Отец ничего подобного воскликнуть не мог: он был уверен, что антисемитизм, как и все плохое, в Советском Союзе отсутствует. На этот счет у него не было комплексов.

Но одним душевным недугом отец все же страдал. Он мученически любил маму. И тайне мечтал, чтоб она, оставаясь такой же красивой, какой была, и такой же покорно женственной, в присутствии мужчин волшебным образом становилась бы невидимкой и ее очарование было бы видно ему одному. Благодаря молитвенно иудейской маминой красоте и отцовской рязанской внешности, наше семейство выглядело вполне интернациональным.

Отец измучивал себя ревностью, хотя для нее, как его уверял Анекдот, не было никаких причин. Уверять-то он уверял, но не вполне убедительно. Будто и сам испытывал некоторые опасения.

– Если женщина очаровательна, не думай, что ты первый это заметил, – сказал он отцу.

Зачем? Невидимкой мама, вопреки желанию отца, не становилась. Это было для его ревности «суровой действительностью».

Краска не касалась маминых губ, щек и ресниц. А ее волосы не пользовались услугами парикмахеров-мастеров. Все это придавало маминому лицу иконописную первозданность, а отцовской ревности – дополнительную необоснованность.

Фронттовую готовность к отпору могло вызывать лишь то, что мужчины – по-моему, все встречавшиеся на мамином, по-женски победоносном, пути – видели в ней не приятельницу, не папину жену и не нашу маму, а раньше всего и «позже всего» – женщину. Мужчины не скрывали этого из-за невозможности скрыть. Иные – особо самоуверенные – принимали внешнюю мамину робость за доступность, но вскоре ушибались, наталкиваясь на свое заблуждение.

Еврейский Анекдот, мне чудилось, сознательно не позволял отцу, как говорили в ту пору, притуплять бдительность. Но использовал он, как обычно, свои методы и приемы.

– Однажды собрались четыре подруги, – принялся он рассказывать очередной анекдот. – Самая красивая из них говорит: «Вчера я взяла да и рассказала мужу обо всех изменах, которые совершила за нашу с ним совместную жизнь!» – «Какая смелость!» – восхитилась одна. «Какая наглость!» – возмутилась другая. «Какая память!» – воскликнула третья.

Удовлетворенный нервной отцовской реакцией, Абрам Абрамович добавил:

– Это не еврейский анекдот, а общечеловеческий. Он имеет отношение к женам и мужьям вне зависимости от их национальности.

Приехав с фронта на недельную побывку – получать Золотую Звезду, отец, видимо, задумал нагрузить маму сразу тремя детьми, чтобы ни на что, кроме них, у нее не осталось времени. Задумал – и, поддержанный ревностью, осуществил.

Отец ушел на войну добровольцем, но уходить с войны добровольцем он не хотел – особенно же в дни самых последних и отчаянных схваток. Его, однако, вызвал к себе командир дивизии и приказал:

- Сегодня же улетишь в Москву!
- А куда я должен явиться?
- В родильный дом!

* * *

– Это я дал телеграммы, – сообщил главный врач роддома, как только отец возник впервые на пороге его кабинета.

– Телеграмму, – по-военному уточнил отец.

– Нет, именно три: командующим дивизии, армии и всего фронта. А как же! Страна должна знать не только своих героев, но и их детей. Тем более если они рождаются по-фронтному: плечом к плечу!

– Многие наловчились рассуждать о фронте вдали от него, – беззлобно обобщил Анекдот.

Именно главный врач, которому сообщили, что у мамы в животе бьются одновременно три сердца, оповестил об этом не одних командующих, но и чуть ли не все средства массовой информации. При посредстве этих средств он хотел сблизить с героями-победителями не только маму, но и свой родильный дом, и себя самого.

Цель была, средства для ее достижения были – и вдруг вместо первоначальной единогласной готовности воцарились единогласная тишина и глухое молчание.

Мама, умевшая принимать на себя чужую вину, извинялась перед отцом, перед Еврейским Анекдотом, перед акушером Федором Никитичем и перед всеми, кто появлялся в ее палате.

– Семейное торжество не должно становиться общенародным. Это было бы нарушением законов природы, – сказал Федор Никитич, рано поседевший от чужих страданий и так уставший бороться с маминой физической болью, что еще, казалось, не преодолел своей боли душевной.

Главврач в палате не появился.

Отец же не уставал объяснять происшедшее глобальными обстоятельствами:

– Это понятно. – Он обладал способностью объяснять необъяснимое. – Взяли рейхсканцелярию... При чем тут я и мои дети?

– Да еще все трое – Певзнеры! – добавил Абрам Абрамович.

– Ты опять о своем?! – вскипел отец, который, повторюсь, вскипал прямодушно, как чайник, но исключительно на политической почве. – Мне дали Героя? Дали. Где же твой антисемитизм?

– Ты, я понимаю, должен сказать спасибо за то, что *они* дали тебе Героя? А не *они* должны испытывать благодарность за то, что ты проявил героизм?

– Многие проявляли. И учти: из всех, кто был в батальоне, командир выбрал в ту ночь меня. И послал.

– На верную гибель?

– Именно мне доверил...

– Умереть? Ты, правда, не полностью оправдал его ожидания: спас батальон... но и себя тоже.

– Зачем ты так говоришь?

Если определение «честный до глупости» может существовать, оно относилось к отцу.

– Зачем ты так?! – повторил он, оскорбляясь за своего командира. – Он послал меня потому, что...

– У вас в батальоне был еще хоть один еврей? – перебил отца вопросом Еврейский Анекдот.

– Нет... больше не было.

– Может, не из кого было выбирать? – с печальной иронией констатировал Абрам Абрамович. – Не хочу сказать, что это типично. Но в данном конкретном случае... Ты же знаешь, что к званию Героя командир, тобою спасенный, представлять тебя не хотел. А зачем? Быть обязанным своей жизнью еврею?

Поскольку в устах Абрама Абрамовича все звучало как анекдот или полуанекдот, всерьез возражать было глупо. Но мой принципиальный отец решил все-таки сокрушить точку зрения лучшего друга:

– Ты знаешь, какую часть населения у нас в стране составляют евреи?

– Чем больше, тем лучше... для юдофобов: есть на кого валить. Не дай Бог, евреев когда-нибудь не останется вовсе. Придется импортировать! Пусть немного... Зачем же хоть одну государственную вину брать на себя?

– Их мало! Евреев... – будто раскрывал тайну отец. – А по количеству Героев – на одном из первых мест.

– И чья же это заслуга! Тех, кто их награждал?

Отец растерялся. И, как до золотой рыбки, от которой ждал подмоги, привычно дотронулся до своей Золотой Звезды.

– Но ведь награждали!

– А если бы награждали всех, кто заслуживал? Вот был бы скандал. Исторический!

– Я не согласен, – безапелляционно, но и бездоказательно отпасовал отец.

– Давай-ка я для разрядки расскажу анекдот, – прибег к своему излюбленному приему Абрам Абрамович. – Воздвигли памятник: «Неизвестному солдату Рабиновичу». Все удивляются: «Как это так? Неизвестному и... Рабиновичу?!» – «Дело в том, – объясняют, – что неизвестно, был он солдатом или нет». А оказывается – на одном из первых мест? Значит, известно: был!

При звуках маминогo меццо-сопранo, грудного и глубокого – «Ей бы Аиду петь!» – мужчины специфически цепенели. Говорила она негромко, но, так как отец и Еврейский Анекдот в эти мгновения не просто умолкали, а как бы и не дышали, меццо-сопрано усиливалось окружающей тишиной.

Вакуумная тишь возникла и тогда, когда мама предложила, чтобы нас с братом назвали именами двух дедушек, а сестру именем одной из двух бабушек. Мама никогда не повелевала – она высказывала пожелания. Для отца же ее слова звучали, как военный приказ, и не командира батальона, дивизии или армии, а командующего всем фронтом. Но, разумеется, не Верховного Главнокомандующего, потому что Верховный был один.

Еврейский Анекдот, тоже привыкший маме внимать, неожиданно возразил (со временем я понял, что он никому беспрекословно не подчинялся):

– Не нагружайте жизнь своих детей дополнительными и необязательными сложностями. Не обременяйте их понапрасну, если бремени можно избежать.

Лучший друг нашей семьи был прав, потому что дедушек звали Самуилом и Исааком, а бабушек – Рахилью и Двойрой.

– Знаете, есть такой анекдот... – решил прибегнуть к своему смягчающему или отвлекающему маневру Абрам Абрамович. – Везут труп Рабиновича. «От чего он умер?» – «Видите ли, вчера мы играли с ним в одну смешную игру: кто дальше высунется из окна? Так он выиграл!» – Помолчав, чтобы мама с отцом посмеялись и поразмыслили, Анекдот продолжал: – Говорят, лучше всех устроился тот, кто лучше всех спрятался. Прятаться не обязательно. Но и высываться сверх меры не следует. – Гармошка из морщин собралась на лбу у Абрама Абрамовича. Он напрягся, чтобы придумать нечто, не противоречащее маминoму предложению, но и не осложняющее жизнь новорожденных Певзнеров. – Возьмите лишь первые буквы имен. Как символы! Ну вот, к примеру... – Анекдот коснулся пеленки, из которой, как из кокона, выглядывала сестра. – Ее назовите на букву «Д». Не Двойрой, разумеется. Зачем такие крайности?

– Дарьей! – предложил мой прямолинейный отец.

– Тоже слишком, – возразил Анекдот. – А впрочем... Почему бы и нет? Бросим вызов! Дарья, Даша... Нежно звучит. Вы не против? – обратился он к маме, которую называл на «вы».

– Даша? Мне нравится, – ответила мама.

– Значит, принято. Его имя, – Анекдот кивнул на брата, – пусть начинается с буквы «И» в честь дедушки Исаака. Какие есть безопасные имена на эту букву? Иваном нарекать не обязательно. А Игорем, я думаю, в самый раз.

– В самый раз, – повторила мама. Это означало, что повторил и отец.

– Остался еще один. – Он имел в виду меня. – Пусть будет не Самуилом, а, допустим, Сережей. Тоже неплохо. И поверьте: дедушкам и бабушкам от этого хуже не будет. А им, – он обвел взглядом нас троих, – увы, будет лучше!

– Почему «увы»? – удивился отец.

– Потому что приходится думать на эту тему. – Собрав на лбу гармошку с такими густыми и глубокими складками, что, казалось, она вот-вот заиграет, Анекдот добавил: – Да, дедушкам и бабушкам хуже не будет... Хуже того, что с ними стряслось, вообще не бывает! А этим

хоть немножечко подсобим. Тем более *эти* только стартуют, а *те* разорвали ленточку финиша. Точней сказать, ленточку, как и их жизни, разорвали другие.

Они финишировали во рву одесского гетто. Ни бабушками, ни дедушками они по возрасту не были: старшему из них, папиному папе, едва исполнилось сорок семь.

Я стал Сережей. Хотя чаще меня, унаследовавшего рязанскую отцовскую внешность, звали Серегой.

Выслушав Анекдота, отец вопросительно воззрился на маму.

– Раз будет лучше... – устало подвела итог мама. Она согласилась.

– И я согласен! – будто командуящему, подчинился отец. Наши имена были окончательно утверждены.

Мы трое, как я уже сообщил, родились в один день и один час. Поэтому многое в нашей жизни и после шагало как бы нога в ногу. В школу мы тоже отправились вместе. Нас зачислили в один и тот же класс, к одной и той же учительнице.

Мария Петровна была за единение разнополых детей: таким образом, я оказался рядом с Дашей, а Игорь за нашей спиной.

– Умоляю: не становитесь первыми учениками все трое, – сказал накануне в шутку, мне показалось, Абрам Абрамович. Позже я понял, что он не шутил. – *Блестяще* пусть учится кто-то один. Если вы заблестите одновременно, вам этого не простят.

Еврейский Анекдот зря беспокоился: нам с Игорем первенство не угрожало. Зато Даша немедленно, без разбега стала не только первой ученицей в классе, но и первой красавицей.

Мария Петровна забеспокоилась.

– Нельзя, чтобы девочка в ее возрасте ощущала себя примадонной, – объяснила она нашим родителям. – Тогда у нее будут поклонники, но не будет подруг. – Мария Петровна выступала за единение не только разнополых, но и однополых детей. – Если все мальчики станут замечать одну только Дашу, девочки сочтут это несправедливым. А чувство несправедливости... Сами знаете!

Мама, настрадавшаяся из-за своей внешности, папиной ревности и притязаний мужчин, чьи однотипные взоры не оставляли ее в покое, понимающе вздохнула. Она не хотела, чтобы и Дашу ждала та же участь. Мама одобрила стремление учительницы распределить мальчишескую любовь поровну между всеми ученицами. Во имя равенства и справедливости!

Родители Дашиных поклонников – особенно же мамы – тоже весьма всполошились. Не все разобрались, что я Дашин брат. И потому одна из родительниц, краснощекая, раскачиваясь из стороны в сторону, как неваляшка, вздутыми бедрами, начала поучать своего сына, а заодно и меня:

– У этой вашей Даши Певзнер очень уж типичная внешность. Ну не наша. Чужая какая-то! Вы понимаете? – Я подметил, что почти все взбудораженные родительницы непременно прибавляли к Дашиному имени фамилию Певзнер: без фамилии имя могло кого-нибудь сбить с толку. – Другие девочки мне, например, больше нравятся. Ну что в ней такого? Волосы будто в саже, нос тонкий... – Этот эпитет показался мамаше выгодным для моей сестры, и она скорректировала: – Какой-то худой... Тощий нос!

– А должен быть толстым? – спросил ее неразумный сын Коля.

– Нормальным должен быть. – Мамашины щеки еще жарче окрасились лихорадочным цветом. – Я бы вот никогда не могла влюбиться в нее!

«Было бы странно, – подумал я, – если б она в Дашу влюбилась!» Недоумение обнаружилось у меня на лице.

– Никакая она не красавица! – по-матрешечьи покрываясь уже разноцветными пятнами, базарно провозгласила мамаша. – Не красавица... Прикажите своим мозгам это понять.

Приказать мозгам ее сын Коля мог, но сердцу, видимо, нет. И в течение долгих лет... Тогда она, исчерпав терпение, выступила на родительском собрании. Мы, помню, уже заканчивали шестой класс.

– Даша Певзнер отвлекает наших сыновей. Один за другим... они становятся ее жертвами. Моего сына как подменили! Он осунулся, побледнел. И другие мальчики болеют той же болезнью. Надо что-то предпринимать.

– Запретить Даше быть умницей и красавицей? – внезапно удивилась Мария Петровна, которая всегда выступала не только за единение, но и за справедливость.

– Никакая она не красавица! – взъерилась родительница так, будто тринадцатилетняя Даша соблазнила ее супруга.

– Красивая... Ничего не попишешь, – возразила справедливая Мария Петровна.

– Тем более надо оберегать сыновей! – словно речь шла о провисшем над головой потолке или о нарушении правил уличного движения, подключилась другая мамаша.

Ни тогда, ни позднее уберечь сыновей от Даши родительницам не удавалось.

– Вот жидовка! – в бешенстве швырнула однажды вслед Даше одна из них, сбитая с толку моей рязанской внешностью. Хоть мы были уже в седьмом классе.

– Можно ей передать? – спокойно осведомился я.

– Как передать? В каком смысле?!

– В прямом... Мы с ней близнецы.

– Близнецы? Вот бы не сказала. Совсем не похож. Ни на нее, ни вообще... – делая мне комплимент, проговорила мамаша.

Я действительно был похож на русоволосого, курносого папу. И уже не впервые подумал, что с внешностью мне повезло.

Ну а Дашина внешность была столь впечатляюще красноречива, что в словесном красноречии сестра не нуждалась. Однако она, молчаливая, способна была, как и мама, на оглушительные поступки.

Так как все тайное становится явным, сестра узнала о родительском собрании – и властно созвала другое экстренное собрание: всей мужской половины нашего класса. Презрительно поглядывая на влюбленных, она сказала:

– Передайте своим родителям, что мне среди вас кое-кто дорог. – В один миг почти осязаемо возникла атмосфера враждебности: каждый знал, что дорог не он. Но кто же? Помытавив нервы своих поклонников, которыми были все поголовно, кроме Вовы Дубилина, не отличавшегося месяца от луны, а хамства от деликатности, Даша, не напрягая голоса, произнесла:

– Мне дороги из вас только двое: Сережа и Игорь, мои братья. Так и сообщите родителям: пусть спят спокойно.

Каждому полегчало: хоть не он... но, по крайней мере, и не другой!

У мамы и Даши было одно и то же редкое качество: они все на свете умели. Или почти все. Это свойство фамильным не было, оно отсутствовало у тех членов семейства, которые составляли абсолютное большинство. Количественное, разумеется, ибо качественное – если бы такое существовало – принадлежало бы маме и Даше.

Обе они умели петь, танцевать, при пустом холодильнике за пятнадцать минут приготовить ужин, шить, вязать и чинить электропроводку... Легче перечислить то, чего они не умели. Но и этому могли бы научиться, если бы захотели.

Они ни во что не вкладывали натужных усилий, а лишь – искусство, сообразительность и изящество.

Иногда устаешь даже наблюдать за работой, в которой сам не участвуешь. Со стороны она выглядит до того изнурительной, что на лбу твоём выступает испарина. Наблюдая же за мамой

и Дашей, мы, неумелые, как бы присутствовали на спектакле, не обремененном сложным, лабиринтным сюжетом, а завораживающим и балетно-воздушным.

Мама так перебирала струны гитары, что звук казался ненужным: достаточно было следить за ее пальцами, чтобы услышать музыку, извлечь удовольствие, а мужчинам – позавидовать папе.

Все совершалось как бы само собой. Они *делали*, а мы, мужчины, об этом рассказывали соседям, знакомым – и восторгались.

Особенно восторгался отец: у мамы не оставалось времени ни на что, кроме дома.

Даша, которую называли хранительницей домашнего очага, искусно составляла дуэт: одаренность и артистичность не покидали ее. Но в дуэте она продуманно была вторым голосом, чтобы не огорчать отца, который возлагал на мамину сверхзагруженность большие надежды.

Совсем уж поздними вечерами у мамы высвобождалось некоторое время – и Даша решила заполнять его развлечениями. Но в семейном кругу. Она знала такое количество стихов наизусть, что одними стихотворениями могла перекрыть маме дорогу из дома. А еще устраивались семейные танцы... Мама с Дашей танцевали «по последнему слову моды и техники», но и по-своему; отец – очень старательно, как на военных учениях, Еврейский Анекдот – не только с довоенными «па», но и с довоенной сентиментальностью, а мы с Игорем просто дурачились. Мы были Дашиными близнецами, но она уже в первом классе вела себя, как женщина, а у нас и в седьмом были манеры всего-навсего семиклассников.

Одним словом, Даша изобретала что только могла, дабы маму за порог «не тянуло». Отец взирал на Дашу с горячечной благодарностью: хоть внешне и не похожа, а его дочь! С еле заметной благодарностью поглядывал на сестру и Абрам Абрамович. Эта елезаметность, однако, была заметнее голосистых братских восторгов. Я имею в виду восторг двух братьев.

– Поздравляю вас: к нам едет... нет, не ревизор, а посол Государства Израиль, – с порога произнес Абрам Абрамович. – Дипломатические отношения установлены.

Шутливой интонацией Еврейский Анекдот маскировал свою возбужденность: он был горд, что народ его имеет теперь свое государство.

Это происходило вечером в том году, когда мы трое были еще совсем маленькими. Воспоминания мои то забегают вперед, то назад возвращаются, как и положено воспоминаниям.

– Чего ты ликуешь? – настороженно полюбопытствовал отец, обращаясь к Еврейскому Анекдоту. – Один мой боевой друг-товарищ, – он любил фронтовые термины, – подал заявление на отъезд.

– Но мы же с вами не сделали этого.

– И не сделаем во веки веков! – заверил отец. – Покинуть землю, где родились? Здесь родились, здесь и умрем.

– С предсмертными возгласами «За Родину! За Сталина!».

– Не кошунствуй, ты сам кричал это.

– «За Родину!» – безусловно, «За Сталина!» – никогда.

– А для меня свято и то и другое. В неравной степени, но...

Для отца это было уже отступлением или некоторой растерянностью. И тогда Абрам Абрамович поднялся в атаку:

– Bravo! Хотя бы в «неравной». Осуждаешь своего «друга-товарища»? Я и сам не сумею расстаться. – Но ведаешь ли, Борис, что Декларация прав человека, которую мы со слезами... Со слезами радости подписали, утверждает: человек имеет право жить там, где захочет, если, конечно, он человек. Имеет право возвращаться домой и вновь уезжать. Иосиф Виссарионович же, бесспорно, считает, что Декларации декларируют, а исполнению могут не подлежать. Но вот кто-то начал официально подавать заявления: «Хочу уехать...», «Хотим уехать...» – «А почему? – голосом прокурора и судьи спросит их Иосиф Виссарионович. – Как можно

покидать рай, который я для вас создал?» И придет время, помяните меня, придет, когда за такие вот заявления он будет давать «строгие режимы», «без права переписки...». То есть официально давать будет за диверсии, шпионаж и прочие злодеяния. Не придерешься! – Анекдот помолчал. – К Иосифу Виссарионовичу придраться в полной мере вообще смогут только потомки: современники не отважатся. Да и трудно. На бумаге – все безупречно (даже за антисемитизм, оказывается, положена строгая кара!). И Конституция у нас фантастически демократическая: Калифорния от Америки попробуй-ка отделись, а наши республики, провозглашено, имеют немислимые права, вплоть до абсолютного отделения. Но Иосиф Виссарионович знает: никто не востребует своих прав. Потому что если себя не жалко, то жалко детей, матерей, жен...

Абрам Абрамович жалел, мне кажется, всех людей. Но людей! А некоторых двуногих людьми категорически не признавал.

Мама молча смотрела на нас троих – и, наверное, думала о том, что нам предстоит.

Мне было всего два или три года, но Еврейский Анекдот вспоминал не раз о том вечере, как и обо всем, что случилось, а иногда и творилось в нашей семье.

Отец и не думал поднимать руки вверх:

– Сталин сделал так много...

– Зловещего! – закончил фразу Абрам Абрамович, вероятно совсем переставший бояться. – А в результате судьбы людей, как руины...

Не давая отцу опомниться, что тоже было его приемом, Анекдот предложил:

– Хотите, расскажу самую короткую притчу? «Сколько вам лет?» – спросил судья подсудимого. «Будет двадцать восемь», – ответил тот. «Не будет!» – сказал судья. Думаю, Иосиф Виссарионович бы до упаду смеялся!

– Зачем ты так? – продолжал сопротивляться отец. – Наоборот, в трудные моменты надо обращаться к *нему*. И *он* поможет, как помог всем во время войны.

– За помощью? К *нему*? Знаешь, есть такой анекдот... Двое пьяных – видимо, не евреи – ползут по железнодорожному полотну. Перебирают ногами шпалы, за рельсы хватаются... «Какая длинная лестница! – восклицает один. – Как много ступеней! А перила какие холодные!» «Ничего, – отвечает другой. – Видишь, к нам на помощь спешат трое с огромными фонарями?» Если ты ждешь такой помощи, то получишь!

Едва ли не каждый день Абрам Абрамович рассказывал хотя бы по одному анекдоту. И почти всякий раз анекдоты были прелюдией или финалом бесед о проблемах, которые бередили душу друга нашей семьи. Душа же его негромко, но и непримиримо, с невидимыми миру слезами и видимым юмором откликалась на все доброе и все злое, что свершалось в стране. Злого, увы, было больше, и оно действовало активнее.

– Приходит еврей менять фамилию... – начал в один из вечеров лучший друг нашей семьи. – Приходит и просит: «Сначала поменяйте на Иванова, а потом – на Петрова». – «Зачем же два раза?» – «А затем, что, если меня спросят о бывшей фамилии, я отвечу: «Иванов». – Покашляв, как обычно, после историй, требующих осмысления, Абрам Абрамович сказал: – Я к тому, что нынче разоблачают космополитов и раскрывают их истинные фамилии, замаскированные псевдонимами. Днем с огнем ищут... Но с огнем жестоким и выжигающим.

– Что выжигающим? – спросила мама.

– Судьбы человеческие. И даже жизни... Это наше излюбленное состояние: никакой войны нет, а люди гибнут. За что? Во имя чего?!

Подобные разговоры Анекдот, как известно, предпочитал вести на свежем воздухе, где в голову ему приходили «свежие мысли». Но тут уж не мог сдержаться.

– В каждом издательстве и каждой редакции газеты или журнала должны среди авторов обнаружить хотя бы парочку космополитов. Желательно больше, но минимум парочку.

– А кто это такие... космополиты? – поинтересовался четырехлетний, но уже очень любознательный Игорь.

– Антипатриоты, – объяснил Анекдот.

– А кто такие антипатриоты? – не отставал Игорь, с трудом выговаривая длинное и непонятное слово.

– Ну, те, которые не любят свою Родину.

– Разве можно ее не любить? – удивился Игорь.

– Нельзя... Это запрещено! Но все мы и так, без запретов и без подсказок, любим ее. Любить под воздействием? Это же оскорбление для любви. Однако кое-кто сомневается, кое-кто нам не верит.

– Нам?! – Игорь обвел руками кухню, где находились мы с ним, тесно притершись друг к другу, мама и Абрам Абрамович, на полутоловища переместившийся в коридор. Отец ушел с Дашей в драматический кружок, где сестра в каком-то самодеятельном спектакле играла четырехлетнюю девочку, то есть себя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.